

СИМВОЛЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК РЕСУРС «SOFT POWER»

Капицын Владимир Михайлович,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Кафедра сравнительной политологии,
Доктор политических наук, профессор,
г. Москва, Россия,
E-mail: kapizin@yandex.ru

Аннотация

Автор рассматривает национальную идентичность как модель коллективного сознания, интегрирующую знаки и символы в единое смысловое пространство общества. Автор операционализирует понятия «символы», «национальная идентичность», «мягкая сила».

Ключевые слова:

мягкая сила, знаки, символы, национальная идентичность, жизненные сферы.

В коммуникации важнейшую роль играют символы. Последние представляют собой коммуникационную модель. Она помогает «переплавлять» идеи и образы, создаваемые TV (другими дискурсивными «площадками») в когниции индивидуального (коллективного) сознания, а также интегрировать их в единое смысловое пространство общества. В мировом и национальном развитии повышается роль нематериальных факторов, что, в свою очередь, подогревает интерес к исследованию роли идентичностей и символов [1; 14].

Автор ставит цель операционализировать понятие «символы» и «идентичности», показать механизм формирования символов национальной идентичности, играющих роль ресурса «мягкой силы». В понимании «мягкой силы» выделяется ее влияние во внутренней и внешней политике, рассматривается использование символов «своей» национальной идентичности для консолидации общества и нейтрализации влияния внешней soft power. Для таких исследований большое значение имеют конструктивизм и теория идентификации, политическая семиотика, исследования постмодернизма [2; 10].

Soft power рассматривается обычно как побуждение других делать то, что нужно актору, без применения прямого насилия. В ЕС «soft power» переводится как «собранная, скоординированная

сила»; в Китае говорят о «мудрой силе» [11]. Дж. Маттерн видит в soft power «репрезентационную силу» – «форму власти, оперирующую через посредство используемой говорящим структуры нарративного представления действительности» [15].

Национальная идентичность проявляется, прежде всего, в символах. Символ – знак, связь которого со своим референтом ослабляется под влиянием доминирующей интерпретации. Символы и идентичности включаются в качестве элементов в состав «мягкой силы», призванной влиять интегрирующим образом на политическую культуру, способствовать консолидации собственного общества, а также ослаблять дезинтегрирующее воздействие внешней soft power.

Символы национальной идентичности опираются на эмоционально окрашенные образы конкретных (локальных) сообществ. Для малых народов, местных территориальных сообществ основой становления символов этнической (местной, региональной) идентичности являются ландшафты, памятники природы, размеры территории, предметы быта, памятники духовной культуры, трудовые достижения и т.п. Для некоторых народов в небольших по территории государствах символы этнической идентичности сливаются с национально-государственной идентичностью,

Конференц-зал

что позволяет относительно легко консолидировать связи людей, укрепляя целостность общества и состоятельность государства. Но у больших народов, занимающих значительные территории, особенно, включающих в свой состав множество идентифицирующих себя этносов и регионов, национальная (национально-государственная) идентичность формируется в процессе сложного взаимодействия этнических (местных) идентичностей, выстраивания неповторимого национального «узора».

Символы национальной идентичности необходимы, чтобы сложилось динамичное, но устойчивое общество, способное формировать, поддерживать (сдерживать) дееспособное государство. Усилия, направленные на это, – достойная цена за предотвращение скатывания общества к состоянию «вавилонской башни» (Брейгеля-старшего) и ожесточенного государства-левиафана.

Модель национальной (национально-государственной) идентичности может быть представлена как некая упорядоченность разноуровневых знаков и символов. Последние выражают в своеобразной (кодированной) форме социальное единство и национально-государственные интересы, помогают выстраивать связи смыслов, в том числе, иерархические. Символы национальной идентичности при всей их удаленности от повседневных знаков все равно сохраняют связь со своей означенной основой в жизненных сферах.

Коснемся связи знаков повседневности, функционирующих во всех жизненных сферах. Они выступают в качестве: а) *простых партикулярных знаков повседневности* (индивидуальных, корпоративных, семейных и т. д.), формирующих жизненный статус людей; б) *знаков, формирующих институты*, интегрирующие более простые знаки жизненных сфер в «воображаемые» локальные сообщества; в) *жизнесферных ценностей*, играющих важную роль в интерпретации всех знаков на локальном уровне.

На этой основе формируются уже символы национальной идентичности: г) *национальные добродетели*, показывающие концентрацию позитивных качеств «большого народа», нации, многонациональной общности; д) *неофициальные национальные символы* (для россиян – бурый медведь, матрешка, Красная площадь и т. д.);

е) *официальные (государственные) символы* (герб, флаг, гимн, столица); ж) *символы национальной идеи*. Все эти символы включаются в механизм национальной «мягкой силы», используемой во внутренней и внешней политике.

Есть также *символы наднациональных ценностей*; отдельные элементы их интегрируются в национальное сознание как цивилизационные и межкультурные символы, становятся частью национальной идентичности разных государств. Например, ценности Нагорней проповеди. С другой стороны, есть символы, которые влиятельные государства представляют в качестве универсальных, хотя они таковыми не являются, используют как элементы *soft power*, внедряя в другие общества, разрушая символы их национальной идентичности.

Раскроем более подробно содержание и связи знаков и символов, начиная с *простых партикулярных знаков повседневности*, поддерживающих жизненный статус, ориентированных на уместность, безопасность, духовное удовлетворение, благополучие человека. Эти знаки выражают элементарные повседневные потребности людей, привязанные к *основным жизненным сферам*. Это – сфера *территориально-пространственная* (территориальность – поселение, экология, природа, пути сообщения). Сфера естественно-антропологическая (телесность – семья, здоровье, жильё, быт, соседи). Духовно-культурная сфера (духовность – вера, культура, образование, история). Агентно-профессиональная сфера (агентность – работа, квалификация, карьера).

Чтобы эти *простые партикулярные знаки* интегрировались в воображаемые сообщества, необходимы еще в каждой сфере *особые институционализированные практики со своими знаками (институты)*. Эти институты, воспроизводя знаки, сопровождают воспроизводство самих жизненных сфер, а, в конечном счете, и общества в целом. Здесь ценно замечание К. Касториадиса о связи символического с воображаемым в институционализации [6, с. 452–454]. Государство и отдельные сообщества используют данные институты для выстраивания механизмов национальной символической консолидации.

Что это за институты? В *территориально-пространственной* сфере помимо географических

Конференц-зал

карт воспроизводство знаков первичной консолидации обеспечивают: *природные памятники, границы мест, дорожная сеть, земельные кадастры.*

В *естественно-антропологической* сфере в качестве таких институтов выступают *семья и брак, дом, детский сад, местное кладбище, переписи населения, записи актов гражданского состояния,* регулирующие демографические и этнические параметры и связи, традиционные сети родственников, соседей, земляков, жителей места.

В *духовно-культурной* сфере, где оживляются события истории, означаются объекты культуры, особую роль играют: *библиотека, миф, музей, архив, религиозная община, школа, газета, местные СМИ, охрана памятников в данном месте и обществе в целом.* Они артикулируют и легитимируют образ народа, его исторический нарратив.

В *агентно-профессиональной* сфере *местные промыслы, праздники и выставки достижений местного хозяйства, реклама* также могут способствовать символьной консолидации. Институт местных достижений фиксирует и представляет с помощью выставок, презентаций результаты деятельности местных мастеров своего дела.

Названные институты на уровне повседневности воспроизводят такие элементы идентичности, необходимые для консолидации, как *жизнесферные ценности.* Последние связаны не только с партикулярными знаками повседневности: они формируют символы жизненных сфер. В *территориально-пространственной* сфере в качестве *жизнесферных ценностей* выступают сбережение природы, благоустройство, территориальная идентичность (символами могут стать земля, лес, гора, река, дорога, поселение). В *естественно-антропологической* сфере такими ценностями являются любовь и взаимоуважение супругов, детей, родителей, старших и младших, охрана детства, материнства, старости, здоровья людей (символы – мать, отец, дитя, семейный очаг, семейный альбом, женское и мужское начало, обручальное кольцо, семейный доктор и т. д.). В *духовно-культурной* сфере – ценности стремления к знаниям, почтения к истории места, своим (и чужим) святыням (символы – книга, свиток,

крест, полумесяц, памятники культуры и т. д.). В *агентно-профессиональной* сфере – ценности трудолюбия, предприимчивости, мастерства, кооперации, соревнования (символы – серп, молот, сноп, мастерок, памятники героям труда и т. д.).

В свою очередь, на символы жизнесферных ценностей опираются системные *символы-добродетели народа* [5]. Это – элементы механизма национальной символической консолидации, образующиеся путём приписывания национальным образам определённых позитивных ценностей (гражданственности, патриотизма, доблести, жертвенности, трудолюбия, бережливости, законопослушности, взаимопомощи, соучастия) [4]. На такой основе формируются *неофициальные национальные символы* (для россиян, например, бурый медведь, матрешка, Красная площадь и т. д.) и *официальные государственные символы, национальная идея.*

Такой когнитивный процесс, влияющий на социокультурный контекст общества, неизбежно взаимодействует с трендами зарубежного опыта; интенсивность взаимодействия зависит от степени открытости (закрытости) общества. Причем нередко это взаимодействие опосредуется внешней *soft power.* Данные проблемы обсуждают в своих спорах сторонники культурного контекстуализма и космополитизма (универсализма). Символическая политика государства регулирует соотношение национально-культурных и зарубежных идей и символов (всемирных или доминирующих региональных – европейских, североамериканских) [16; 7].

Символы национальной идентичности, с одной стороны, гармонизируют взаимодействие знаков и выстраивают идентификацию местных (этнических) сообществ с целостным обществом и состоятельным государством. С другой стороны, они включаются в национальную «мягкую силу», корректирующую взаимодействие национальной идентичности с наднациональными (универсальными, космополитическими) символами для ослабления влияния «чужой» *soft power.*

Все государства, так или иначе, решают задачу формирования патриотизма и гражданственности, купируя риски деконсолидации. Риски в отечественном символическом пространстве возникают не столько от прямого воздей-

Конференц-зал

ствия универалистских (космополитических) символов, сколько от соединения последних с фрагментированным культурным контекстом нашего общества, обрабатываемым с помощью внешней soft power. При этом в контексте национальных символических комплексов отбираются партикулярные статусные знаки, «частичные» идентичности (территориальные, этнические, конфессиональные, производственные), которые внешняя soft power соединяет с космополитическими (универалистскими) символами в некие конфигурации. Как отмечает Л. М. Дробижева, например, состояния этнических идентичностей модифицируются (нормальные, гипер-, негативные, амбивалентные, дрейфующие) [3, с. 133], что может использоваться внешней soft power.

Такие конфигурации символов усиливают выпадение «частичных» идентичностей из национальных символических комплексов, инициируют формирование и усиление контр-идентичностей, способных противостоять национальной идентичности. Универалистские символы в таких конфигурациях идентичностей могут задействовать когнитивные процессы широких слоев населения. Внешняя soft power подключает зарубежную и местную прессу, общественное мнение разных государств. Конфигурации, соединяющие «частичные» идентичности с универалистскими, могут быть суггестивны и устойчивы. Так в сознании советских людей в 1980-х гг., а также и постсоветской России начала 1990-х гг., сложились представления об универсальности западных ценностей, их полной органичности для России и других постсоветских государств, возможности их ускоренного внедрения в целях повышения качества жизни в СССР и России.

Противопоставить им российские символические комплексы не удалось. Образовалось множество конфигураций идентичностей, приобретающих характер контр-идентичностей. Нередко внешняя soft power противопоставляет символы народа и власти, общества и государства, народной и официальной идентичностей. Борьба символов национальной идентичности и контр-идентичностей может обернуться разрушением суверенитета государств, как это происходит в связи с «цветными» революциями и гуманитарными интервенциями.

Для понимания роли «космополитической идентичности» выделим в механизме soft power наряду с традиционным (номадическим) значением космополитизма также следующие значения:

– глобально-демократический космополитизм, источник которого – идеализм, воспитанный на вере в принципы международного права, демократии и прав человека, соответствующие международные институты;

– неоимперский глобальный космополитизм, отражающий стремление одних акторов «быть покровителями», а других – «искать покровителей», ориентироваться на государство, патронирующее более слабым странам.

При этом космополитизация в когнитивном плане сопровождает глобализацию, отражая все сложности последней. «Фактическое воздействие глобализации глубоко трансформирует национальные государства; их функции и власть перекраиваются и вновь встраиваются в комплекс транснациональных, региональных и локальных сетей» [8, с. 13]. В конце XX – начале XXI в. в массиве «заманчивых» благ глобализации возросло влияние виртуального сопровождения: кибер-услуг, игр, флэш-монов, рекламы и дизайна, средств копирования и наблюдения. Социологи обозначали растущее влияние знаков и символов на деятельность в различных предметных сферах [13], начиная от внедрения образа с помощью упаковки товара, системы образов на праздниках и презентациях до сопровождения выбора системы правления и конфигурации союзников.

Космополитическая идентичность все больше принимает характер совокупности информационно-культурных образов и стереотипов, вызывающих и поддерживающих ожидания позитивных масштабных эффектов в связи с заимствованием демократических принципов государственного и корпоративного управления, гарантий универсальных прав человека, высоких стандартов потребления. Но нередко усиление космополитической идентичности маргинализирует национальные особенности разных стран, а вместе с этим национальную идентичность.

Космополитизм и внешняя soft power создавали и создают особые трудности для национальной идентичности обществ, находящихся

Конференц-зал

в состоянии «демократического транзита». Это объясняется деструкцией комплекса знаков, символов, ценностей, идентичностей, оттеснением на второй план цивилизационной и национально-государственной идентичности. Soft power визуализирует превосходство западных цивилизаций («центра» перед периферией и полупериферией), способствует расслоению обществ незападных стран («периферии»), ориентируя их элиты на обслуживание космополитического истеблишмента. Общественность таких стран настраивалась на внедрение «общечеловеческих ценностей», масштабную вестернизацию политических институтов, быстрые и заметные результаты, не учитывая явные деструктивные последствия и неспособность общества адаптироваться, в том числе, к резким изменениям комплекса идентичностей.

Космополитизация встречает сопротивление ряда незападных государств (арабские государства, Иран, Индия, КНР, Россия, Белоруссия, Бразилия, Египет, Сирия). Казалось бы, Европейский Союз – пространство, где институционализируются наиболее успешные практики космополитизма, приятельные для граждан разных стран. Министр финансов ФРГ назвал ЕС «самой мощной «мягкой силой» в мире» [17]. Но и там укрепление общеевропейской идентичности испытывает серьезные трудности, о чем свидетельствуют неудача в принятии Конституции ЕС, выборы в Европейский парламент в мае 2014 г., которые привели к значительному увеличению числа депутатов от правых националистических партий, поддерживающих приоритет национальной идентичности перед европейской идентичностью.

Складывается противостояние и перекрещивание между «национальной» и «цивилизационной идентичностями», с одной стороны, и космополитической идентичностью, с другой. Это противостояние как раз является зоной воздействия внешней soft power, втягивающей территориальные этнические, конфессиональные, профессиональные идентичности в соответствующие конфигурации. Так космополитическая идентичность и soft power становятся важнейшими инструментами глобального управления [9].

В качестве параметров soft power ведущих мировых держав может выступать состояние

образования, традиции, культура, приучающая «думать и действовать глобально» [12]. Разные индексы применяются для оценки «мягкой силы», космополитической и национальной идентичностей. Косвенно такую оценку дают: *индекс глобализации, индекс внешних и внутренних угроз* (переменные: «присутствие на территории нелегальных сепаратистских или антиправительственных движений», «легальные сецессионистские движения», «избыточная миграция»), *индекс потенциала международного влияния*. Ближе к прямой оценке национальной идентичности – *индекс состоятельности государства* (переменная: отчётливость идентификации граждан с государством), *индекс государственности* (переменные: «время существования суверенной государственности», «доля доминирующего этноса в структуре населения страны»).

Рассчитывается и специальный *глобальный рейтинг фактора «мягкой силы»* (учитываются 5 факторов – политические ценности и управление, культура, дипломатия, образование, бизнес и инновации). Используется также рейтинг эффективности государств в сфере использования Интернет-сервиса для продвижения внешнеполитических взглядов и влияния на общественное мнение.

---

1. Барабанов О. Семиотика в исследованиях глобального управления // Международные процессы. 2013. Том 11. № 1 (32). С. 77–83.

2. Бронзино Л.Ю. Современный социальный дискурс: постмодернизм в контексте неклассических социологических теорий. М.: Изд-во РУДН, 2009, – 250 с.

3. Дробижева Л.М. Этническая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности В 2-х томах. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2012., С. 130–134.

4. Изучение образцов и символов общекультурного единения российского общества. Проект № 076. Воронеж-Москва: АНО «Международный консультационный центр, 2009, – 45 с.

5. Капустина З.Я. Гражданственность как ценность российской культуры. Автореф. дисс. ... доктора культурологии. М., 2008. – 46 с.

6. Кастариadis К. Воображаемое установление общества / Пер. с франц. М.: Гносис, Логос, 2003. С. – 480 с.

7. Латкина В. Феномен европеизации в западноевропейских исследованиях // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 1 (32). С. 49–63.

8. Мартинелли А. От мировой системы к мировому обществу? // СОЦИС. 2009. № 1. С. 5–15.

9. Мартьянов В.С. Политический проект Модерна. – М.: РОССПЭН, 2010, – 359 с.

10. Митрошенков О.А. Постпостмодернизм как предчув-

Конференц-зал

ствие // Социально-гуманитарное знание. 2013. № 4. С. 52–61.

11. Чихарев И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – № 25. – С. 93–98.

12. Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. Май–август. Том 9. № 2 (26). С. 29–39.

13. Lesh S., Urry J. Economies of Signs and Space. – L.: Sage, 1994. – 294 p.

14. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Democratization. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. – 504 p.

15. Mattern J.B. Why «Soft Power» is Not So Soft: Representational Force and Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium – Journal of International Studies. 2005. Vol. 33, P. 586. URL: <http://mil.sagepub.com/cgi/content/abstract/33/3/583> (дата обращения – 16.06.2014).

16. Wintle M.J. Imagining Europe: Europe and European civilization as seen from its Brussels. Brussels, 2008. – 45 p.

17. Schäuble W. Europa hat der größte Soft Power der Welt // Die Welt. 29. Mai 2014.

5. Kapustina Z.Ya. Grazhdanstvennost' kak cennost' rossijskoj kul'tury. Avtoref. diss. ... doktora kul'turologii. M., 2008. – 46 s.

6. Kastariadis K. Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva / Per s franc. M.: Gnosis, Logos, 2003. S. – 480 s.

7. Latkina V. Fenomen evropeizacii v zapadnoevropejskix issledovaniyax // Mezhdunarodnye processy. 2013. T. 11. № 1 (32). S. 49–63.

8. Martinelli A. Ot mirovoj sistemy k mirovomu soobshhestvu? // SOCIS. 2009. № 1. S. 5–15.

9. Mart'yanov V.S. Politicheskij proekt Moderna. – M.: ROSSPE'N, 2010. – 359 s.

10. Mitroshenkov O.A. Postpostmodernizm kak predchuvstvie // Social'no-gumanitarnoe znanie. 2013. № 4. S. 52–61.

11. Chixarev I.A. «Umnaya moshh'» v arsenale mirovoj politiki // Mezhdunarodnye processy. – 2011. – Т. 9. – № 25. – С. 93–98.

12. Shakleina T.A. Velikie derzhavy i regional'nye podsistemy // Mezhdunarodnye processy. 2011. Maj–avgust. Tom 9. № 2 (26). С. 29–39.

13. Lesh S., Urry J. Economies of Signs and Space. – L.: Sage, 1994. – 294 p.

14. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Democratization. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. – 504 p.

15. Mattern J.B. Why «Soft Power» is Not So Soft: Representational Force and Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium – Journal of International Studies. 2005. Vol. 33, P. 586. URL: <http://mil.sagepub.com/cgi/content/abstract/33/3/583> (дата обращения – 16.06.2014).

16. Wintle M.J. Imagining Europe: Europe and European civilization as seen from its Brussels. Brussels, 2008. – 45 p.

17. Schäuble W. Europa hat der größte Soft Power der Welt // Die Welt. 29. Mai 2014.

---

1. Barabanov O. Semiotika v issledovaniyax global'nogo upravleniya // Mezhdunarodnye processy. 2013. Tom 11. № 1 (32). S. 77–83.

2. Bronzino L.Yu. Sovremennyj social'nyj diskurs: postmodernizm v kontekste neklassicheskix sociologicheskix teorij. M.: Izd-vo RUDN, 2009 – 250 s.

3. Drobizheva L.M. E'tnicheskaya identichnost' // Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti V 2-x tomakh. T. 1. M.: ROSSPE'N, 2012, S. 130–134.

4. Izuchenie obrazcov i simbolov obshhekul'turnogo edineniya rossijskogo obshhestva. Proekt № 076. Voronezh-Moskva: ANO «Mezhdunarodnyj konsul'tacionnyj centr, 2009 – 45 s.

SYMBOLS OF NATIONAL IDENTITY AS A RESOURCE OF «SOFT POWER»

Kapitsyn Vladimir Mikhailovich,

Moscow State University named M. V. Lomonosov,
the Department of political science the Chair of comparative politics,
Doctor of political sciences, professor
Moscow, Russia,
E-mail: kapizin@yandex.ru

Annotation

The author considers national identity as a model of collective consciousness, integrating the signs and symbols in the semantic space of the society. Author operationalizes the concept of «symbols», «national identity» and «soft power».

Key words:

soft power, signs, symbols, national identity, life sphere.
